

Публикации

УДК 930.2

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: КОНЕЦ ЭПОХИ БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Р.С. Хакимов

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
history@tataroved.ru*

Россия к началу XX в. созрела для прощания с Долгим Средневековьем. Не только русские, но и многие народы империи, в том числе и татары, вступили на путь капитализма. Они требовали гражданских прав, свободы слова, реформирования государственного устройства, в частности, перехода к федеративной России. В числе причин революции 1917 г. – политическая культура, строившаяся на произволе; крепостничество, являвшееся мощнейшим тормозом экономического развития страны; неверная оценка роли сельской общины как явления, имманентно присущего русскому обществу; монархия, которая в условиях расцвета образования, культуры и социальных ожиданий населения оказалась безвольной и деморализованной. Перед революцией политический спектр партий, несмотря на свою пестроту, явно был смещен в сторону влияния социал-демократических идей. Революционное чутье Ленина сказалось решающим образом.

Ключевые слова: революция 1917 г., интеллигенция, монархия, большевики, социализм

Сто лет назад произошла «Русская революция». Так ее называл Питирим Сорокин, включавший в эту эпоху и февральские события, и октябрьские, и гражданскую войну, и террор – все те явления, которое сегодня переосмысливаются научным сообществом. Очередной номер журнала посвящен революции 1917 г. Большая его часть представлена материалами, демонстрирующими новый взгляд на происходившие в то время события, на повседневную жизнь людей того времени, на их социальную активность и на переломы в человеческих судьбах.

Любая революция является завершением определенной эпохи. Россия к началу XX в. созрела для прощания с Долгим Средневековьем. Не только русские, но и многие народы империи, в том числе и татары, вступили на путь капитализма. Они требовали гражданских прав, свободы слова, реформирования государственного устройства, в частности, перехода к федеративной России. Монархия никак не решалась сделать кардинальные

шаги, а полумеры только усугубляли положение. После революции 1905 г. Столыпин попытался установить жесткий режим вместо того, чтобы расширить права народов и гражданские свободы. Политика «закручивания гаек» привела к обратному результату – усилилась решимость революционеров идти до победного конца.

Бунтарское начало в России, имело свои традиции еще со времен Пугачева, оно не балансировалось законами, как это было в Европе. Не прав был Бердяев, который утверждал, что «В Русской революции мы и видим господство исключительно восточного начала, отвергающего нормы цивилизации и расковывающего хаос» [1, с. 288]. Революционная мысль пришла в Россию не с Востока, а с Запада, хорошо прижилась на удобренной Петром I почве. От революционеров не требовалось понимание истории и духа народа, они отвергали прошлое в качестве фундамента будущего. Революция толковалась как самодостаточный бунт. По словам Плеханова, «благо революции – высший закон». Этот тезис был подхвачен русской мыслью. Идея безграничной свободы вела к безграничной деспотии, писал Достоевский в «Бесах».

Выросшая в XIX–XX вв. интеллигенция оказалась чистым критиком власти, она и подготовила революцию в умах. Интеллигенция была наиболее образованной частью общества, носителем подлинно русской культуры, но не имела доступа к власти, а потому противостояла ей и объективно, и субъективно. А дворянство, хотя и было образованным, но уже не имело монополии на воспроизводство культуры. После выступления декабристов дворянство потеряло доступ к власти. 14 декабря 1825 г. стало последним напоминанием о гвардейских дворцовых переворотах, после чего политическая роль русского дворянства закончилась. Дальше на сцене появляется интеллигенция в чисто русском смысле этого слова, т. е. сугубо критически настроенная к властям. Не случайно среди наиболее образованных людей России было много революционеров, начиная с друзей Пушкина, Радищева, Герцена и кончая Бакуниным, Кропоткиным – столпов мирового анархизма. Чернышевский и Добролюбов пусть ступенью ниже, но были, бесспорно, представителями высокой культуры. Но затем появляются менее культурные, но не менее революционные, по большей части выучившиеся в Европе революционному духу писатели и общественные деятели. А затем уже явились полуинтеллигенты, воспринявшие только политическую сторону русской и европейской философии, убежденные, «что горсть политических идей важнее религии, важнее культуры, важнее всего прочего содержания жизни и истории» [2, с. 93]. Левые эсеры, меньшевики и большевики – все были по большей части публицистами, порой блестящими революционными публицистами. «Конь бледный» Бориса Савинкова далеко не исключение, а скорее символический образец той литературы, которая отразила настроение этих слоев.

В России никогда не было сколь-нибудь влиятельной либеральной идеологии. О свободе больше говорили анархисты, причем анархизм в по-

нимании Бакунина и кн. Кропоткина не был произволом, он был самоорганизацией общества без чиновников – истинным коммунизмом. Однако в России предпочитали иную трактовку и иное поведение – свобода чаще понималась как анархия в худшем смысле этого слова, как беспредел.

Политическая культура России строилась на произволе. Иван Грозный провозгласил: «жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же». Он «захотел не только сам быть самодержавным, но и утвердить единодержавие на будущее время твердо и непоколебимо. Он начал ломать все, что только казалось противным единодержавию, все, в чем даже только подозревал независимость. Он жег, казил и мучил, свирепо истреблял целые семьи, осудил на бойню Новгород за то, что с его именем соединялось много неприятных для единодержавия воспоминаний; он ставил свой произвол выше всего, заставлял самую церковь позволять ему то, чего дозволять она никому другому не должна была, и создавал себе новых слуг единодержавия, обязанных возвышением ему, а не породе и в деле службы единственно по его воле действующих. Все казни сходили ему с рук, потому что меньшинство хотело ограничения самодержавия, а за самодержавие была вся громада народа, для которой противно было всякое разделение власти, чужда всякая сложность, взаимозависимость, – громада, которая нуждалась прежде всего во внешней безопасности и испытала веками, что только при власти единого можно сколько-нибудь ее достигнуть, покоряясь этому единому безропотно, без размышления, поверяла его воле вечного промысла, для этого единого, избранного небом, хотела жить, ему принадлежать» [5, с. 565]. Впоследствии и собор, игравший номинальную роль, был отвергнут как лишний институт и восторжествовало самодержавие и крепостничество. По иронии судьбы каждый шаг страны от золотоордынских традиций к чисто русской политической культуре вел не в сторону расширения свободы, а закреплял произвол как принцип.

Петр I был достойным продолжателем деспотизма Ивана Грозного. Как ответ на петровский произвол происходило массовое бегство крестьян, порой целыми деревнями, в Польшу, Дон, к башкирам, за Урал, сибирские города, а затем появились по всей стране разбойничьи шайки, предводимые беглыми солдатами, они соединялись в хорошо вооруженные конные отряды и уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врываются в города. «Разбоями низ отвечал на произвол верха: это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчетного отчаяния там. Столичный приказный, проезжий генерал, захолустный дворянин выбрасывали за окно указы грозного преобразователя и вместе с лесным разбойником мало беспокоились тем, что в столицах действуют полудержавный Сенат и девять, а потом десять по-шведски устроенных коллегий с систематически разграниченными ведомствами. Внушительным законодательным фасадом прикрывалось общее беззаконие» [4, с. 182]. При Петре было четыре страшных мятежа и несколько заговоров, причем с участием родного сына.

С другой стороны, идея свободы оказалась столь же противоречивой как право власти на произвол – она выразилась или в уходе от жизни в географический простор, в странничество или же в утверждении своих прав с помощью бунта и террора народовольцев. А когда, наконец, свобода победила в годы революции, она вновь установила произвол. Свобода оказалась всего лишь правом на произвол, она не получила позитивного вектора самоутверждения. Логика права оказалась враждебна русскому уму. Русский человек предпочитал жить по совести, но не по закону и при этом проклинал произвол, от которого более всего страдал. Он на произвол отвечал бунтом, который был самым, что ни на есть откровенным и диким произволом.

Причины бед России не надо искать в татарах, поляках, католичестве, заговорах Запада или НАТО, они заложены в политической культуре. Чаадаев так объяснял особенности страны: «Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, – именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это – олицетворение произвола. В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения всех соседних народов. И поэтому было бы полезно не только в интересах других народов, а в ее собственных интересах – заставить ее перейти на новые пути» [8, с. 64]. Россия даже после революции не смогла избрать иной путь. Заложённое в основу противостояние произвола и бунта сохранилось вплоть до XX в.

Перед войной 1914 г. на излёте монархической идеи страна оказалась без руля и без ветрил. Православная церковь, веками выполнявшая идеологическую функцию, была слишком тесно связана с государством, эта «симфония» сводилась чаще к обслуживанию интересов державы. «Та вера, – писал Лев Толстой, – которую исповедует наша иерархия и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман» [7, с. 6]. В какой-то момент православие из собирателя русских земель становится обыкновенным тормозом развития. Прозападнические настроения и богоискательство писателей во многом отражали недовольство религиозной ортодоксией.

О кризисе духовном писали многие, но, пожалуй, самым знаковым было отлучение Льва Толстого от церкви. В грехе жила вся страна, дошедшая до хлыстовства, а отлучили только его. На самой вершине развития русской культуры в лице Льва Толстого, выразителя тектонических сдвигов в российском обществе, сама основа русской этничности – православная церковь отвергла величайшего выразителя народного духа. Такая метаморфоза обозначила закат главной составляющей Москвы как собирателя русских земель – духовности. Заложённые Петром I в государственный строй «мины» начали взрывать сам фундамент, хотя еще где-то

маячили странные православные образы, то в виде мужицкого Христа Льва Толстого, то в виде красноармейского Христа Александра Блока:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!
... Так идут державным шагом,
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной.
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

Н.Н. Зворыкин писал: «Когда ничтожная горсть большевиков, столь быстро и неожиданно завладела могущественною Российской Империей, недоумевающие иностранцы спрашивали, каким образом русское, сильнейшее в мире войско могло изменить своему государю, и каким образом, многомиллионный русский народ, так еще недавно обожавший своего “царя батюшку”, предал его на поругание и смерть, а свое великое отечество – на бесчестие и разорение?». В поисках ответа на этот вопрос он приходит к выводу, что революция явилась следствием неудачной освободительной реформы 1861 г., которая «дышит какою-то нерешительностью, торопливостью, недомолвками и незаконченностью, сглаживаемыми высокаторжественным стилем и искусною канцелярскою риторикою. Она не производит впечатления ярко-определенного, могучего, широкого размаха гениального творчества великого реформатора, решившегося произвести зрело обдуманый радикальный социально-экономический переворот, обеспечивающий будущее благосостояние всего русского народа: она только отвечала назревшей необходимости отмены крепостного права» [3, с. 31]. В этом стиле в России проходили все реформы и все беды исходили из этой половинчатости и нерешительности.

Крепостничество стало мощнейшим тормозом экономического развития России, ведь основная масса населения России были крестьянами, а с ними напрямую были связаны помещики и дворяне. Торговцы и ремесленники составляли узкую прослойку и никак не влияли на дела государства. Причем крепостничество в России было наихудшим из всех, которое было в мире. Крестьянин прикреплялся не к земле как в Европе, даже не к состоянию, а к владельцу, порождая абсолютный произвол. Крепостничество создало внутренний конфликт – городской и сельской культур. При Петре этот конфликт только намечился, но затем перерос в принципиаль-

ное противостояние. Этот конфликт во многом подготовил социалистическую революцию.

Исходная ошибка власти заключалась в неверной оценке роли сельской общины как явления, имманентно присущего русскому обществу. Время требовало избавления государства от патриархальной общины, вместо этого была закреплена ее власть над крестьянином. Помещика и дворянина заменила община. Сельская община была у всех народов, однако на определенной довольно низкой ступени развития. Вместе с прогрессом в земледелии община распадалась на хуторские хозяйства. «Для освобождения от крепостной зависимости русских крестьян необходимо было создать наиболее благоприятные условия для выхода из сельской общины, – для отлива из нее излишков населения, по мере его размножения; а, вместо того, их замкнули в сельской общине, как в железном кругу, с запрещением выхода из нее, как им самим, так и их многочисленному потомству; – это была величайшая социально-экономическая ошибка, имевшая своими последствиями переполнение скученного на тесной площади сельского населения, которое, при своем невежестве, могло кормиться только от рутинного хлебопашества» [3, с. 35]. Сельская община не имела ни свободных земель, ни угодий, при этом не могла отпускать крестьян на вольные хлеба. Это было то же самое крепостничество, но в другой форме. Насколько крепостнический дух укоренился в обществе показывает последующая история – колхозы до деталей повторили этот губительный для страны опыт.

Крестьянский вопрос можно было решить разными путями. Один из самых простых – колонизация новых земель, которых в России было более чем достаточно. Многие народы использовали этот путь, начиная с древних греков и заканчивая американцами. Европа, где количество земель было ограниченным, использовала путь интенсификации сельского хозяйства, а избыток населения поглощали города. В крайнем случае, население мигрировало. В России все эти возможные пути отвергли. Обычная для России оригинальность решений – найти путь, которого нигде в мире не существует, загнала и крестьян, а вместе с тем и всю страну в революционную карусель. Крестьяне жаловались на малоземелье, в то время как огромные пространства пустовали, города не развивались и не могли принять всех желающих, гражданские права были у всех классов, кроме крестьян, которые оказались в плену у сельской общины – исторического общественного пережитка. Переселение крестьян в Сибирь не смогло обеспечить достаточный отток населения, к тому же и на новых территориях земледелие строилось на той же самой порочной основе. Закон Столыпина о переходе крестьян общинников на отруба был исторически верной, но запоздалой реформой, как и вся его политика, не отдалявшая, а приближавшая революцию.

Русско-японская, а затем Первая мировая война показали тупиковость петровской модели развития, которая ориентировалась на технические новшества, но отвергала политические свободы. Как заметил Лев Троцкий

о Петре, «европейское оружие и европейские займы – продукты более высокой культуры – привели к усилению царизма, который становился тормозом развития». Страна не могла совершить настоящую индустриализацию без политических свобод, без творческого духа.

Бездарный Николай II вместо преобразований в государстве, принятия Конституции и укрепления парламента ввязался в мировую бойню, якобы спасать сербских братьев, что не оставило шансов для мирного исхода революционной ситуации внутри страны. Царь собственными руками вооружил не только армию, но также массы простых крестьян, мечтавших о земле, ради чего они повернули штыки против царя. Несмотря на наличие множества партий и ученых мужей, предлагавших самые разные проекты реформ и Конституции, основным идеологом оказался Распутин, привнесший хлыстовщину в покои царского дворца. Квасной патриотизм, возбуждавший наивные умы в самом начале войны, после первых же трудностей, обернулся ненавистью к монархии. Участь монархии была предрешена. Нет ни малейших оснований восторгаться царской властью, она долгие годы призывала демонов революции. Если долго всматриваться в бездну – бездна начнет всматриваться в тебя. Бездна поглотила монархию.

Россия в принципе могла и без буржуазной революции встать на путь преобразований, но для этого нужна была политическая воля. А монархия оказалась безвольной, деморализованной. Капитализм набирал обороты и не было острой необходимости в ликвидации монархии, как это случилось во Франции. Просвещение худо-бедно делало свое дело. Русская культура расцветала. Образованных специалистов было достаточно. Нужна была политическая воля. Но вместо реформирования страны Николай II уехал на фронт.

Перед революцией политический спектр партий, несмотря на свою пестроту, явно был смещен в сторону влияния социал-демократических идей. Основные доминирующие партии находились именно слева. Среди них эсэры, меньшевики, большевики, анархисты и др. Большевики отнюдь не были массовой партией, их популярность была весьма скромной.

Правые политические силы или себя дискредитировали, или же оказались не способными управлять. Правительство Керенского оказалось временным в буквальном смысле слова. Когда наступил в стране хаос и власть «валялась на улице» большевики оказались в нужное время в нужном месте. Революционное чутье Ленина сказалось решающим образом. Большевики без особых усилий просто подобрали власть, они не столько взяли власть, сколько заполнили вакуум власти, возглавив революционные массы. Они в одночасье из простой секты социал-демократов стали вождями радикальных сил. Остальные партии просто заболтали свои цели в нескончаемых дискуссиях.

Популярность большевиков строилась не столько на привлекательности их программы, сколько прагматичности. Они не стеснялись перехватывать лозунги других партий и движений. Так, у эсэров взяли тезис о

земле. Идею самоопределения и федерализации страны заимствовали у различных национальных движений. До революции ни Ленин, ни Сталин не помышляли о федерализме. Они к ней пришли по факту, вынужденно, когда увидели, что страна фактически распалась. И тезис о самоопределении наций придумал не Ленин, он заимствовал его у Вудро Вильсона, как способ разрушения империй и освобождения колониальных стран.

«Красный террор», в котором обвиняют большевиков и, в частности, Ленина – неизбежный продукт любых революций. Так, якобинская диктатура была жесточайшей, гильотина не простаивала. Робеспьер, казнив Дантона, похоронил веру в революционные идеалы равноправия и справедливости. Русская революция следовала тем же правилам. Многие бывшие революционеры, были нравственно потрясены и раздавлены волной «красного террора». Они даже не могли себе представить, что ожидаемая ими революция выльется в массовое самоистребление народа, гибель интеллигенции и методическое уничтожение большевиками своих политических оппонентов. Они мечтали о другом, о культурной роли революции, об освобождении энергии демократии для перестройки жизни, торжестве разума.

Революции по злой иронии не ведут к заявленной свободе, напротив, они призывают ответную реакцию, реставрацию и диктатуру. «“Реакция” не есть явление, выходящее за пределы революции, – пишет Питирим Сорокин, – а неизбежная часть самого революционного периода – его вторая половина. Диктатура Робеспьера или Ленина, Кромвеля или Яна Жижки означала не конец революции, а ее разгар. Между тем эти диктатуры ознаменовали вступление революции во второй ее период – период “реакции” или “торможения”, а не знаменовали конец революции» [6, с. 30]. Достаточно взглянуть на ход французской истории XIX в., чтобы увидеть непрестанную борьбу между Революцией и Реставрацией, вехи которой 1815, 1830, 1848, 1851, 1870 гг., Парижская Коммуна 1877 г. При этом недавние революционеры легко становились реакционерами. Намерения революционеров, зачастую были вполне искренними, но последствия политических переворотов кардинально отличались от заявленных лозунгов. Объяснение кроется в консерватизме масс. Несмотря на их революционный образ действий, они всегда заканчивают восстановлением того, что они низвергали, ибо для человека прошлое гораздо более значимо, чем настоящее. Причина радикальных социальных сдвигов во время революций и гражданских войн кроется в разрушении привычного поведения и представлений. Буйство миллионов ведет к освобождению «демонического» начала в человеке, ибо исчезает давление норм и ценностей. В человеке просыпается зверь. Именно ярость инстинктов, разрушающих все социальные отношения и даже основы существования общества, требуют впоследствии применения тиранической власти, способной бушующие страсти ввести в хоть какое-нибудь русло. Сорокин, воочию наблюдавший революцию в России пишет, что революции «не социализируют, а биологизируют людей, не увеличивают, а уменьшают сумму свобод, не улучшают, а ухудшают материальное и духовное состоя-

ние трудовых и низших масс населения, не раскрепощают, а закрепощают их, наказывают не только и не столько те привилегированные классы, которые своим паразитизмом, своим распутством, бездарностью и забвением социальных обязанностей заслуживают если не наказания, то низвержения со своих командных постов, сколько наказывают те миллионы «труждающихся и обремененных»¹, которые в припадке отчаяния мнят найти в революции свое спасение и конец своим бедствиям» [6, с. 33–34]. Революционеры чувствуют кризис, но они не знают путей трансформации общества.

Диктатура Сталина была естественным концом революции. Она была глубоко реакционной. Это не было реставрацией старых порядков, просто вместо православия создали коммунистическую религию, а вместо царя навязали культ личности.

Социализм вначале, как и петровские реформы, дал ощутимые результаты в экономике, внешней политике, науках, но постепенно общественная мысль застыла, она стала коммунистическим «мазхабом» – сводом жестких канонов, отступление от которых было равносильно ереси. Политические структуры приобрели гипертрофированно централизованную форму, управление, финансы, идеи могли существовать только в Москве, которая отстраивалась и процветала, точно также как в петровские времена Петербург – в провинциях запрещалось строить, а все средства стекались в столицу. Социалистическая метаморфоза завершилась интеллектуальным и экономическим истощением страны.

Сегодня существуют самые разные оценки революции 1917 г. Кто-то называет это переворотом. Былое непомерное возвеличивание Октябрьской революции нынче обернулось ее тотальным осуждением. Обвинения посыпались в адрес большевиков и лично Ленина. На фоне возвеличивания Сталина фигура Ленина ушла в глубокую тень. Ленин, конечно, не был ангелом, как и любой революционер, но он не был и злодеем, наподобие Сталина.

В свое время Уинстон Черчилль сказал: «Только Ленин мог вывести русских из того болота, куда он сам их завел». У Ленина, несмотря на большевизм, ярко проявлялось социал-демократическое начало. Его шаги с НЭП показывают, что в принципе было возможно иное развитие страны, нежели сталинский тоталитаризм. Такие страны, как Швеция или Австрия показывают принципиальную возможность успешного существования демократического социализма.

Ленин, несмотря на замалчивание его наследия в России, остается величайшей личностью всех времен, чего не скажешь о Сталине. Без Ленина невозможно понять развитие мировой истории в XX в. Неслучайно в Европе существует такое движение как неоленинизм. В России же предпочитают Петра I и Сталина.

¹ Слова Иисуса Христа: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28).

История – это постоянное расширение свободы через ограничение произвола. Именно это содействует развитию духа народа, который находит новые идеи благодаря свободомыслию. Законы вместо обычного права, суд вместо кровной мести, власть королей, ограниченная парламентом, демократия, заменившая монархию, развитая демократия вместо диктатуры механического большинства – таковы ступени преодоления произвола в мировой истории. Ограничение произвола освобождает дух народа для исторического творчества. Без свободы нет конкуренции идей, оригинальных решений, а без свежих идей общество загнивает. Любое ограничение свободы, какими бы доводами это не обосновывалось, не имеет исторического оправдания. Можно найти объяснения для установления жесткой власти, исходя из сиюминутных причин, «доказать», что у общества не было альтернативы, но в этом случае нужно быть готовым к тому, что твоя страна окажется на «запасном пути», и шансы выбраться из этого тупика, чтобы догнать ушедшие вперед народы, окажутся существенно ограниченными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Философия свободы. М.: Сварог и К., 2007. 457с.
2. Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 238 с.
3. Зворыкин Н.Н. К Возрождению России. Париж, 1929. 278 с.
4. Ключевский В.О. Сочинения. Т. IV. М.: Мысль, 1989. 479 с.
5. Костомаров Н. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М.: Чарли, 1994. 799 с.
6. Сорокин П. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. 704 с.
7. Толстой Л. Четвероевангелие. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 768 с.
8. Чаадаев Петр «L'UNIVERS». 15 января 1854 // Стратегия России. №10, октябрь 2004.

Сведения об авторе: Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

THE REVOLUTION OF 1917: THE END OF THE EPOCH WITHOUT CONTINUATION

R.S. Khakimov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
history@tataroved.ru*

By the beginning of the 20th century, the time had come for Russia to say farewell to the Long Medieval period. Not only the Russians, but also many other peoples of the

empire, including the Tatars, embarked on the path of capitalism. They demanded civil rights, freedom of speech, the state system reform, in particular, the transition to federal Russia. Among the causes of the 1917 revolution was the political culture which was being developed based on arbitrary decisions; serfdom that had been a powerful brake on the country's economic development; incorrect assessment of the rural community's role as a phenomenon immanently inherent to the Russian society; monarchy that turned out to be weak-willed and demoralized in the conditions prosperity of education, culture and social expectations of the population. Before the revolution, the political spectrum of the parties, in spite of its diversity, was clearly biased toward the influence of social-democratic ideas. Lenin's revolutionary flair had affected the situation decisively.

Keywords: revolution of 1917, intelligentsia, monarchy, Bolsheviks, socialism

REFERENCES

1. Berdyaev N. *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow, Svarog i K. Publ., 2007. 457 p. (In Russian)
2. Veydle V. *Zadacha Rossii* [The Task of Russia]. New York, Chekhov Publ., 1956. 238 p. (In Russian)
3. Zvorykin N.N. *K vozrozhdeniyu Rossii* [To the Renaissance of Russia]. Paris, 1929. 278 p. (In Russian)
4. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya* [Compositions]. Vol. IV. Moscow, Mysl Publ., 1989. 479 p. (In Russian)
5. Kostomarov N. *Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya. 1604–1613* [The Time of Troubles of the Moscow State in Early 17th Century. 1604–1613]. Moscow, Charli Publ, 1994. 799 p. (In Russian)
6. Sorokin P. *Sotsiologiya revolyutsii* [The Sociology of Revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 704 p. (In Russian)
7. Tolstoy L. *Chetveroevangelie* [The Fourth Gospel]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2002. 768 p. (In Russian)
8. Chaadaev Petr L'UNIVERS. 15 yanvarya 1854 [Chaadaev Peter L'UNIVERS. January 15, 1854]. *Strategiya Rossii – Strategy of Russia*, no. 10, October 2004. (In Russian)

About the author: Rafael S. Khakimov is a Doctor of Science (History), Director of Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-President of the TAS and Academician at the TAS (7, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); history@tataroved.ru